

ДИАЛОГ ФИЛОСОФА И АРХИТЕКТОРА В ПРИСУТСТВИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ*

Алексей Левчук

Жанна Николаева

Валерий Савчук

Архитектор, художник, С.-Петербург

Санкт-Петербургский государственный
университет

В истории гуманитарного знания есть много примеров интеллектуального собеседования философов и архитекторов: Ле Корбюзье и Дж. Джекобс, Ж. Деррида и П. Айзенмана, Ж. Бодрийяра и Ж. Нувеля и т.д. Все эти диалоги были попытками отразить новые вызовы времени, важные события и актуальные идеи, т.е. они велись не с целью разработки универсальной теории, а для того, чтобы решить конкретные проблемы текущей минуты. В результате, с одной стороны, были отчасти прояснены некоторые вопросы как философии архитектуры, так и теории архитектуры, а с другой, эти дискуссии способствовали постановке новых вопросов. В 1980-е гг. П. Айзенман и Ж. Деррида создали проект «Хора-ль-ное произведение» («Chora L Works»), включавший в себя литературный и архитектурный дискурсы, звучащие как «голоса», причем Деррида выступил в качестве дизайнера, а Айзенман – литератора. В итоге возник образец многоголосной «архитектуры-полилога». Этот проект канул в лету, но оставил ощущение недосказанности, «складки» плиссе, в пыли которой, по-делезьянски, может быть заключен целый логарифм большой эпохи. В статье представлен диалог между философом В.В. Савчуком и архитектором А.Э. Левчуком, ведущийся при помощи искусствоведки Ж.В. Николаевой. Этот диалог является продолжением сложившейся традиции.

Ключевые слова: В.В. Савчук, А.Э. Левчук, философия, архитектура, философия архитектуры, междисциплинарные исследования.

© Левчук А.Э., 2024

© Николаева Ж.В., 2024

© Савчук В.В., 2024

In the history of humanitarian knowledge there are many examples of intellectual conversations between philosophers and architects: Le Corbusier and Jane Jacobs, Jacques Derrida and Peter Eisenman, Jean Baudrillard and Jean Nouvel, etc. All these dialogues were attempts to reflect new challenges of time, important events and actual ideas, i.e. they were conducted not with the aim of developing a universal theory, but in order to solve specific problems of the current moment. As a result, on the one hand, some questions of both philosophy of architecture and theory of architecture were partially clarified, and on the other hand, these discussions contributed to raising new, more complicated questions. In the 1980s, P. Eisenman and J. Derrida created the project “Chora L Works”, which included literary and architectural discourses sounding like “voices”, with Derrida acting as a designer and Eisenman as a writer. The result was a multi-voiced “architecture-polylogue.” This project has faded into oblivion, but it has left a sense of understatement, a “fold” of plissé, in the dust of which, in a Deleuzian way, the whole logarithm of a great epoch can be contained. The article presents a dialogue between the St. Petersburg philosopher Valery Savchuk and the St. Petersburg architect Aleksey Levchuk, conducted with the help of the art historian Zhanna Nikolaeva. This dialogue is a kind of continuation of the established intellectual tradition.

Keywords: V.V. Savchuk, A.E. Levchuk, philosophy, architecture, philosophy of architecture, interdisciplinary research.

<https://doi.org/10.31119/phlog.2024.1-2.226>

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 24-28-01707 «Современная философия архитектуры в Италии».

У мира-для-себя есть много вопросов, на которые все еще пытаются дать ответы представители самых разных профессиональных сообществ, например «Что такое архитектура?», «Что такое философия?». Есть и более узкоспециальные вопросы, которые с равным правом можно задать и философу, и архитектору. Например, «Какой должна быть архитектура, создаваемая для будущих поколений?», если мы учитываем так называемую «актуальную повестку», или «Может ли архитектура быть радикальной, это вообще эстетика или техника?». Часто бывает и так, что в вопросах звучит удивление: «Зачем философы и архитекторы используют одни и те же понятия, иногда в разных значениях, иногда в сближающихся: архитектоника, конструктивизм, рационализм, функционализм, деконструкция и т.д., и т.п.?».

В первом из дошедших до нас трактатов архитектура как вид деятельности уже называется наукой (*лат. scientia*). Наверное, читатели переведенного Л.-Б. Альберти текста Витрувия все же не осмеливались утверждать, что архитектура является самостоятельным научным знанием, однако так сформировался краеугольный камень архитектурной саморефлексии: предмет разделен между эстетикой и эпистемологией. Актуальная тенденция отчасти претендует на его полноправное размещение в качестве раздела философии науки [7].

Если мы читаем современную архитектурную теорию (начиная со второй половины XX в.), то видим, что в ней достаточно много философии. Но есть даже и более экстремальное суждение: архитектура сама есть философия, которая есть чуть ли не иной, альтернативный способ мышления, возможно, не нуждающийся ни в чем ином, кроме себя.

Для того, чтобы попытаться в этом разобраться, мы решили выслушать точки зрения представителей как раз этих двух профессиональных сообществ. Интересно сравнить их подходы и видение. Не может же быть, чтобы философ и архитектор всегда думали одно и то же? Или может? Как известно, после долгих попыток создавать «архитектурно-философскую» архитектуру вместе, Ж. Деррида и П. Айзенман практически рассорились. Причем, кажется, именно по инициативе философа, который сперва был «польщен» тем, что кто-то на практике увлекся деконструктивистскими идеями, а затем понял, что философ все равно никогда не разберется с размером окон и не стоит абстракциям занимать территорию профессии, где так важны практика, расчет и безопасность конструкции.

Архитектор Питер Айзенман в разные периоды провозглашался постфункционалистом, постмодернистом, деконструктивистом¹. В качестве переломного момента можно обозначить кризис осени 1988 г., когда Айзенман окончательно осознал «смерть деконструктивизма»². Новое вдох-

---

¹ Отсутствие четкой позиции – это и есть позиция Айзенмана, последовательно уклончивая. Работая как деконструктивист (1970–1980-е гг.), он в первую очередь исследовал архитектуру как идею, а основными источниками своего вдохновения считал тексты Ж. Деррида и психоанализ.

² П. Айзенман был увлечен деконструктивистскими идеями не весь период своей архитектурной деятельности. Начиная с 1990-х гг., он отказывается от деконст-

новение пришло к нему со стороны современных открытий в науке, идеи самоорганизующихся органических структур, теории складки Ж. Делёза, теории фракталов¹. Проект междисциплинарного диалога продолжился.

***

Архитектура, как и философия, как и искусство, работает над производством смыслов. Кажется, что лучшим собеседником о различии, совпадении и пересечении логик таких смыслов мог бы быть тот, кто попробовал себя сразу в нескольких ипостасях: художника и философа, архитектора и теоретика. В беседе приняли участие философ Валерий Савчук (Ф.), архитектор Алексей Левчук (А.) и наблюдатель Жанна Николаева (Н.).

Н.: Валерий Владимирович, в Вашей последней книге Вы пишете: «Ибо живопись проникает в глубины – или, если вспомнить слова Шеллинга, позволяет целостному человеку добраться до таких высот, которых достигает философия» [10, с. 115]. В связи с этим возникает первый вопрос: можно ли такой порядок дискурса применить к архитектуре?

Ф.: Любое здание – это место в Космосе, который подчинен Логосу. Культура в целом также подчинена единому порядку, или дискурсу, выражая настроение времени. Посему архитектура не может не следовать нормативам культуры, ее настроениям, ее, если использовать ригидный термин, духу времени. Лишь в строго интерналистском ключе (в изложении истории стилей, с преподавательскими целями, например) архитектуру можно вычленивать из культурного целого.

А.: Не могу удержаться от соблазна привязаться к частному и потому оттолкнусь от одного из вводных тезисов об использовании архитекторами и философами одинаковых терминов в разном значении. Сейчас в определении картины окружающего нас культурного/цивилизационного пространства архитекторы решительно сепарировались. Весь мир живет в различных версиях постмодерна, рассуждая о том, что будет после, а архитекторы уже сорок лет пребывают в реальности, где постмодерна давно нет, он выброшен и старательно забыт как неудачный one-night-stand после шумной вечеринки – и формально, и идеологически архитекторы обитают в мире неомодернизма, что воспринимается как само собою разумеющееся. Суждение про отказ от постмодерна мне кажется

руктивистского дискурса и переключает свои поиски в область нелинейной архитектуры. Этому способствовала организованная при поддержке Ф. Джонсона знаменитая выставка «Деконструктивистская архитектура» в нью-йоркском Музее современного искусства.

¹ Все размышления П. Айзенман декларирует в своих текстах. Понять его архитектуру в отрыве от теории очень сложно, из-за чего Ч. Дженкс причисляет его к модернистам, заставляющим мир подстраиваться под их идеи. Однако сам Айзенман утверждает, что в данном случае это не абстрактные идеи, но то, что всегда было заложено в самой архитектуре, однако до сих пор было скрыто. Задача архитектора – вскрыть то, что было подавлено, помочь выразиться тому, что считалось нефункциональным, бессмысленным и т. д. [13–15].

весьма ценным. К нему стоит возвращаться. Но вопросов много. Попытаемся их упорядочить.

Н.: Начнем с философии. Есть философия пространства. В ней утверждается (например, у А. Лефевра есть подобное суждение [8]), что любое сооружение антропогенного свойства есть «изъятие» куска пространства: насильственный отъем, по степени вмешательства в гармонию среды сравнимый с насилием. Так ли это?

Ф.: Любой шаг на земле человека, любое творчество есть попираание, изменение, насилие, нарушающее естественный баланс природы, ее адимическое состояние. Но кто сказал, что насилие – это плохо? Большинство картин райского сада включают ограду, забирающую пространство, а сама природа предстает нам садом, образ которого воображен, впечатан, вписан в природу. Гармония же есть обретенная мера насилия. Но архитектура, как и жадность, ненасытна. Нужда и гордыня – ее границы, и в первом и во втором случае, насилие – ее онтологическое основание.

А.: Несомненно, архитектор – это настоящий Александр Македонский или Цезарь: он настойчиво захватывает пространство, ибо собственники меняются, заказчики умирают, а здание по определению долговечнее. Заказчик – это же просто агент, позволяющий архитектору отвоевать очередной участок, где будет стоять выполненное в материале его высказывание.

Н.: А как вообще в современности определяется архитектура? Если брать в глобальном смысле, принимая в корпус еще и все архитектуры цифровых систем, ИИ, АИ, то мне нравится определение «метафизика общего порядка» или же «метафизика высшего порядка». В любом случае «способность создавать образы» была бы хорошим частичным определением компетенций архитектуры, если под проявлением этой способности понимать раскрытие истин о мире путем придания им внешнего вида.

А.: Способность создавать объемы.

Ф.: Во-первых, в самом общем виде архитектура – это не только то, что касается зданий и сооружений. Во-вторых, архитектура как таковая включает и архитектуру программного обеспечения (software architecture), архитектуру информационной системы, архитектуру компьютера и т.д. Архитектура – это не только образ, но и конструкция образа, конструкция взгляда и конструкция образа-желания. Так, мы часто слышим и иронично относимся к распространенному сравнению горных пейзажей со Швейцарией. Вдумаемся, что лежит в основе такого сравнения? За образом горного пейзажа Швейцарии лежит архитектура домов, сеть доступных дорог, коммуникации, которые сделали горные долины доступными, одомашнили их, а взгляд есть инверсия этой безопасности, этих шале, гостиниц в маленьких городках и деревнях. Именно она – структура туризма, спорта и санаториев – является социально-культурной и экономической базой конструкции туристического и незаинтересованного взгляда. Взгляд – конверсия всей этой архитектуры.

Н.: А может ли быть архитектура без времени, вне времени и пространства, как *forma obsoleta*, или же через нее эпоха всегда «проговаривается» и «оговаривается» по Фрейду? По мнению П. Айзенмана, традиционные оппозиции между структурой и орнаментом (декорацией), аб-

страктным и фигуративным, формой и функцией могут быть упразднены. Архитектура может начать объясняться «между» этими категориями (не порывая с ними окончательно), используя метод «чтения в пробелах», который во многом совпадает с постмодернистской концепцией «складки» Ж. Делёза [2].

А.: Архитектор в своем идеальном состоянии подобен золото/алмазодобытчику: он разрывает толщу пустой породы в надежде отыскать и извлечь на свет эйдосы. Эти эйдосы приобретают доступную для людей форму, только будучи извлеченными из темной толщи земли. И дневной свет, при котором они застывают в профанной форме, разный каждый день и в каждой географической точке.

Ф.: Архитектура, как, впрочем, и искусство в целом, производится в борьбе временного и вечного, прагматики и символа, прошлого и будущего, высокого и низкого, искусства и китча, она может воспроизводить традицию, а может радикально порывать с ней, воспитывать тонкий, изысканный вкус, может также потворствовать невзыскательному. Ряд оппозиций этим не ограничивается. Понимание, а это род принятия, кроется в деталях, в пробелах, складках, которые даются тому, кто осознает их пространственно-временные параметры. В чрезмерной урбанистичности, застроенности, сжатости улиц, домов, городов повышенной ценностью являются открытые пространства, а в бескрайних просторах неосвоенной земли ценностью будет компактность, собранность и соразмерность.

Приведу примеры и вначале соглашусь с печальным диагнозом В.А. Подороги: «Старые вещи, “человеческие”, сходят на нет» [9]. Но, продолжая его мысль, скажем, что, кроме этого, с набирающей темп скоростью исчезают и «человеческие» старые городские пространства – двory с их особой полудомашней атмосферой, столь же неспешным стилем общения и азартными играми детей. Таким образом, мы имеем ситуацию, когда, с одной стороны, наглядно исчезает ценность вещи: если в начале XX в. предметы наполняли квартиры, теснились в комнатах, и даже эротическая и порнографическая фотография свидетельствует об избытке вещей как фона для обнаженных тел, то сегодня ценностью является *само пространство*, лишенное ненужной мебели, вещей, а цветовые решения усиливают иллюзию увеличивающегося пространства, искушая взгляд двигаться от внутреннего к внешнему, от интерьера к экстерьеру, к разрыву замкнутости, к открывающейся перспективе из окна. С другой стороны, столь же очевидна противоположная тенденция к созданию и обустройству замкнутых общественных пространств, таких как пешеходные улицы, внутренние двory и кварталы. Их появление есть результат сопротивления горожанина, не желающего быть лишь одним из участников транспортного движения. У этой тенденции есть свои четкие формы. Первая форма – борьба с чисто функциональным подходом к улицам как к преимущественно транспортным артериям, остановка в которых – препятствие. Замедление скорости перемещения приводит к осознанию административной необходимости превратить отдельные улицы или целые районы старого города в *сплошную пешеходную зону*, в выделенное, неспешное и комфортное пространство с непреложными кафе, барами

и арт-пространствами. Принятие такого решения является *сознательным* внедрением зон пешеходной размерности, в которых замедляется темп ходьбы, взгляд невольно теряет признаки целеустремленности, а телодвижения выдают состояние фланера. Итак, если первой формой сопротивления визуальных экологов и урбанистов является формирование пешеходных улиц или туристических кварталов, то второй – назову ее *стихийной* формой сопротивления прямолинейно-принудительной траектории перемещения по городу от пункта А к пункту Б рядом с интенсивным транспортным движением – обустройство заброшенных дворов под общественное, рекреационное и креативное пространство. Этот феномен особо остро заявил себя в Петербурге. Вспомним, что идеальный сад всегда имел ограду – выделенное пространство покоя. Разрыв постосманской геометрии улиц происходит в тот миг, когда человек ныряет под арку и оказывается в мире, в котором запахи и звуки города уходят, строгая ортогональность часто уступает место случайным строениям и спонтанно проложенным дорожкам, а непарадная изнанка двора с отвалившейся штукатуркой и забытыми изначальный цвет стенами и часто наспех заделанными окнами имеет, как ни парадоксально, вызывающе домашний вид, который так привлекает и который отстаивала Джейн Джекобс: «Налицо почти фантастически богатый набор различий, выраженных спокойно и сдержанно» [3, с. 238]. Атмосфера дворового, часто руинированного пространства является оппозицией отремонтированной и ухоженной парадной стороне домов. Но «мы неправильно понимаем слово “руина”, когда думаем лишь о разрушенном физическом объекте. В руине разрушена не только вещь, но и жизнь, которая имела к этой вещи отношение» [6, с. 244]. Перереформатированное запустение реализует потребность в сбое, лакуне, нише, производящих новые формы жизни. Поэтика руин и старых дворянских парков описана и воспета давно. Ныне же культурной точкой притяжения стали дворы с минимальным вмешательством в сложившуюся атмосферу столетней давности, обустроенные под общественные пространства или креативные кластеры, в которых посетители встречаются с ушедшей жизнью – а в нашем контексте дореволюционной эпохой – напрямую, минуя посредников. Окунувшись в атмосферу заброшенного двора, что и позволило превратить его в общественное пространство, посетитель вынужден неспешно двигаться по дорожкам мимо уличных столиков, зон отдыха, сцен для выступлений артистов, модных магазинов и арт-объектов. Эта тенденция особенно заметна в Петербурге – самом умышленном городе России с максимальной плотностью домов, линией соприкасающихся фасадов и ортогональностью улиц с уходящими вдаль проспектами.

Подытожу: налицо две разнонаправленные тенденции – внутреннее пространство жилища размыкается, а внешнее, уличное, сопротивляясь геометрической принудительности, замыкается.

Н.: Возникает вопрос про дизайн. Дизайн сегодня – это наследник традиций средневековых мебельщиков? У Корбюзье было какое-то тотальное определение, что-то вроде «от ложки к городу» [18]. И не кажется ли Вам, что мы, возможно, имеем дело с обратным процессом: дизайн начинается там, где высокие эстетические задачи опускаются до инженерии. Или же наоборот: стилизм (ремесленная стилизация) и дизайн

различаются тем, что дизайн утопичен и отбрасывает простые формальные решения ради глобального уровня. Поясню, откуда я взяла это соображение. Известный итальянский искусствовед Филипп Даверио на лекции перед студентами-архитекторами Политекнико ди Милано (главное архитектурно-дизайнерское высшее учебное заведение в стране) попытался объяснить, чем они отличаются от студентов Академии Брера (классическая академия художеств в Милане). Его идея, которая, на мой взгляд, может показаться «крамольной» и для философа, и для архитектора, состояла в том, что в основаниях всей архитектуры (по разным версиям) лежат четыре импульса: инженерный, эстетический, стилевой и дизайнерский. На последнем он, кстати, останавливается особенно подробно, так как собственно этому «ингредиенту» и посвящена вся лекция. Он доказывает, что начиная с 1927 г.¹ вся архитектура – это дизайн. Но не будем обуславливать Ваше независимое мнение. Как думаете Вы?

А.: Наверное, можно сказать, что вся архитектура после 1927 г. – это модернизм.

Ф.: Нет табу трактовать архитектуру как дизайн. Это исторический модус ее существования. Были и будут новые области ее отождествления: от идей архитектуры как жилища для богов, дома как моей крепости или машины для жилья к дизайну, а от него – к месту встречи с природой: путь недалек. Параллель можно провести с этапами истории философии: философия как космоустроительная деятельность, как теология, антропоцентризм, наука, идеология. Архитектор претендует на мироустройство, т.е. не только на внешний облик здания, но и на внутреннюю организацию пространства (так, Антонио Читтерио в проекте отеля W в Санкт-Петербурге «спроектировал все – от кроватей до дверных ручек»). Таким образом, архитектор посягает на профессиональные интересы «средневековых мебельщиков». Область архитектуры расширяется, прирастает дизайном, но им не ограничивается. Не надо быть пророком, чтобы предсказывать, что будут еще иные трактовки-отождествления архитектуры с прежде не архитектурными областями. Ибо архитектор, подобно архитектору из «Матрицы», строит новое здание мира, претендуя (пусть и не всегда осознает или не признает это) действовать, иначе видеть, видоизменять и корректировать образ жизни людей.

Н.: А должна ли архитектура быть гуманистической? Может быть, это заблуждение? Например, насколько вредит архитектуре состояние слишком малых эволюционных изменений в течение длительного периода времени или полное отсутствие таких изменений (состояние стазиса)? Нужно ли двигать архитектурный прогресс или более гуманистическими надо называть «охранные» тенденции?

А.: Гуманистической в том смысле, который вкладывал в это понятие граф делла Мирандола? Если в таком, то, наверное, нет. Гуманизм as is – это, конечно, XVI в., прекрасно описанный М. Фуко. Еще четверть

---

¹ За точку «невозврата» Ф. Даверио берет появление кресла «Барселона» М. ван дер Роя и Л. Райх на ЭКСПО 1929 г., в котором, по его мнению, заключена квинт-эссенция всей похороненной утопии немецкого архитектурного рационализма Бруно Таута. Прим.: в лекции Ф. Даверио выставка датируется 1927 г.

века назад можно было говорить о трансгуманизме, но сейчас и его уже нет как некоей цивилизационной перспективы. Классический трансгуманизм с трансформацией человеческих тел в бессмертные структуры куда-то слинял по причине отсутствия значимых лабораторных результатов. Параллельно этому и архитектура после 2016 г. попадает в кризис – физическо-трансгуманистическое направление в архитектуре, созданное архитекторами, группировавшимися вокруг Института Берлаге (Колхаас, Зенгелис), резко и насильственно исключено из актуальной повестки административным путем, закрытием этого института как раз в том самом 2016 г.

Н.: Алексей, вопрос к Вам лично. Архитектору нужна ли философия, и что это такое с точки зрения профессионального сообщества?

А.: Архитектура и есть философствование, только вместо словесных конструкторов в ней используются формы, массы, объемы etc. Тут будет уместно сравнение с русской классической литературой, посредством которой из-за функциональной «неаналитичности» русского языка, ограничившей возможность формирования оригинальной философской мысли, и выражалась, «проявлялась» русская философия XIX в. Даже в пространстве аналитических европейских языков философия лишена объема, она в лучшем случае двухмерна и постоянно подозрительно балансирует на границе юриспруденции. В русском языковом пространстве юридическая составляющая не проявляется вовсе, что лишает словесное философствование ощущения объективности. Архитектура самой своей сутью, созданием границ дает возможность высказывания, недоступного в вербальной/текстовой форме.

***

Н.: Вопрос с небольшим предисловием. Архитектура пытается понять свое время, чтобы принять в нем участие, выражая его разрывы или пытаясь восстановить потери. Так, теория – критическая или вымышленная, явная или скрытая – направляет «мыслящую» руку архитектора (?). Элизабет Гросс¹ утверждает следующее: «Архитектура часто, и по вполне очевидным причинам, рассматривается с пространственной точки зрения, но ее пересечение с антропоценом – то, чего требует антропоцен, – это не что иное, как пересмотр временных характеристик архитектуры» [19]. Действительно, архитектура изменяется, трансформируется, деградирует, рушится и эволюционирует, что предвещает определенные виды ее будущих очертаний, явленные через различные территориализации и перемещения во времени. М. Фуко на страницах «Археологии знания» упоминает некую медлительность, свойственную «материальной цивилизации», к которой политическая история перешла от мобильности и при которой умножилось «число уровней анализа» [11, с. 35–37]. Э. Гросс занималась именно этими вопросами продолжительности, жизни, трансформации, эволюции и времени. В своей книге «Архитектура извне: очерки виртуального и реального пространства» (2001) [16] она предполагает, что «ар-

---

¹ Элизабет А. Гросс (Грош) (р. 1952) – австралийский философ и теоретик искусства.

хитектура вовне» – это то, что дает перспективу, это именно вопрос времени. Кстати, послесловие к этой книге написал уже упомянутый Питер Айзенман. Время – это то, что одновременно сужает и расширяет пространство, и его учет может подтолкнуть пространственные практики, такие как архитектура, в разных направлениях, к разным способам жизни или заселения. Э. Гросс снова обращается к теме архитектуры в своей книге 2008 г. «Хаос, территория, искусство: Делёз и фрейминг Земли» [17], но с другим акцентом. Здесь архитектура рассматривается как «первое искусство» в смысле Ж. Делёза – как обозначение территории, которое временно позволяет хаосу замедлиться настолько, чтобы его интенсивность стала ощутимой и проявилась.

Можем ли мы надеяться на то, что наличие такой онтологической практики, как архитектура, замедляет энтропию хаоса?

А.: Лично я считаю второй закон термодинамики таким же культурным артефактом начала XX в., как и пароход «Титаник», бипланы Блерио и джазовую музыку. Его релевантность в описании бытия ничем не отличается от техномызыки, сотовых телефонов и теорий Ника Бострома о вселенной-голограмме и о нашем нынешнем существовании как о цифровой симуляции, созданной нашими потомками и отражающей космогонические представления начала XXI в. Все это мегаломанские химеры нашего ограниченного и, что главное, конечного сознания. С такой же долей вероятности мы можем представить наш мир как некий исследовательский стенд, лабораторный вольер, созданный в полном согласии с Септуагинтой 6+ тысяч лет назад. Исследования не самые прорывные, поэтому оборудование – second hand, постоянно встречается не отмытый от стенок биоматериал, вроде останков палеофауны. Решетка вольера – пространственно-временной континуум и т.д. При этом этика и понимание прекрасного суть качества, изначально присущие мыслящим обитателям вольера (только не произносите слово «пробирка»!).

Ф.: Нет однозначного ответа. В одних случаях архитектура воплощает хаос, являясь его прародительницей: стоит посмотреть на безбрежные пригороды бедных людей в азиатских и латиноамериканских мегаполисах. В других – природа без и вне архитектуры, к примеру древних руин, домиков и жилищ отшельников и т.д., утрачивает свое очарование, свою привлекательность, свою полноту и цельность мира.

***

Н.: Философ Петар Боянич, многим из нас знакомый лично, выступает за противопоставление теории архитектуры как дисциплины и философии архитектуры [12]. В книге «Архитектура мышления/дисциплинирующая архитектура» (2015) он утверждает, что после «теоретического» поворота в архитектуре во второй половине XX в. архитектор, несомненно, способен теоретически тематизировать свою собственную работу, а это подразумевает, среди прочего, создание дисциплинарного языка, который должен примирять или, по крайней мере, уравнивать вербальную и невербальную формы выражения. Кроме того, П. Боянич пытается показать, что именно теория была необходима архитектору на протяжении всей истории, чтобы утвердить архитектурную дисциплину

как свободную и автономную. В книге «Реальное и теоретическое» (2013) философ из Белграда подчеркивает напряженность между реальностью и теорией, присутствующую в работе архитектора. И также он отмечает, что теоретизирование в области архитектуры таит в себе опасность серьезного отрыва от текущего мира.

Из-за этого возникает «самый» провокационный вопрос: а не мешают ли философы и всякие другие внешние теоретики быть архитектуре по-настоящему независимой и мудрой дисциплиной?

А.: Архитектура, как я уже указывал выше, по моему убеждению, является подвидом философии для людей, обладающих объемным видением и не склонных к созданию текстов. Тексты-манифесты архитекторов в лучшем случае являются слабым описанием их архитектурной деятельности, а в худшем (преобладающем) варианте – это компиляция из превратно понятых текстов философской и политико-социологической направленности. Актуальные смыслы одновременно импортируются высшими силами из мира эйдосов сюда, здесь эти смыслы по-своему, в зависимости от инструментария, отображаются представителями разных дисциплин. Язык архитектора – проект, неважно, осуществленный в материале или же оставшийся проектной графикой. Только в нем, в проекте, в полной мере выражается представление архитектора о мире и бытии. Иначе зачем он, собственно, занимается архитектурой?

Ф.: После этапа концептуализма в искусстве, после интеллектуальной истории XX в. все искусство в целом и архитектура в частности уже не может смотреть на мир адамическим взглядом, взглядом до «грехопадения» саморефлексии. Архитекторы сегодня – это мыслители. Их рассуждения о роли архитектуры в мире, о возможности изменения и позитивного преобразования мира всегда интересны, поскольку помогают понять не только их архитектуру, но и культуру страны, в которой и для которой проектируется то или иное сооружение. Полагаю, что архитекторы издавна были одними из самых многосторонне образованных людей. И здесь прав П. Боянич, говорящий, с одной стороны, о важности как теории, так и дисциплинарного языка архитектуры, а с другой, утверждающий, что избыточное увлечение теориями архитектуры может сделать из архитектора урбаниста. Теория архитектуры не автономна. Не удержусь и процитирую выдающегося петербургского философа Николая Грякалова: «Если “цель природы – человек, а цель человека – стиль” (Тео ван Дусбург), то именно стиль человеческих агломераций, их “осанка” и “мимика” (а также их проксемика, кинесика, гаптика, их окулярные машины, акустический и ольфакторный фон) будут подлинно-проблематическими для теории. Если она в состоянии еще ответить за себя» [1, с. 56]. Здесь выдержать пафос имманентности (в духе, например, Г. Вёльфлина) не удастся в принципе: градостроительные метаморфозы невозможно абстрагировать от многообразия жизненно-мировых форм – социально-экономических, политических, научных, религиозных. Питаясь из многочисленных источников, теория архитектуры остается сложным эпифеноменом разнообразных дискурсов.

***

Н.: Огромное вам спасибо за беседу! Как кажется после прочтения высказываний русских (советских) «литературоцентричных» философов и «философствующих» теоретиков архитектуры, таких, например, как Андрей Иконников [4; 5], те, кто был связан с архитектурой в XX в., имели очень тесные и обширные междисциплинарные связи и вели диспуты (как в то же время и в других странах). Но, как мы уже видели, и на Западе, и здесь эти связи мало к чему приводили (кроме осознанного отрицания практического постмодернизма, по словам Архитектора). На первый взгляд может показаться, что причина в том, что техническое мышление, характерное, в частности, для строительного производства, просто не принимает во внимание очень отдаленные абстрактные суждения. Стройиндустрии свойственен техноморфизм. Однако *time matters* (время имеет значение), и, как нам кажется, мы снова обращаемся и будем обращаться к теме архитектуры в контекстах пространства и искусства, но, возможно, с другим «акцентом». Архитектура рассматривается и как «первое искусство» (в делёзианском смысле), и как обозначение территории, которая временно позволяет хаосу замедлиться настолько, чтобы его интенсивность стала ощутимой и проявилась. Это обрамление земли символизирует истоки архитектуры, которая обеспечивает основу, на которой проявляют себя другие искусства. Во многих отношениях наша цель – цель поддержания себя и своей среды в стабильном состоянии, в состоянии актуальности и непрерывности – является, по-видимому, одной из целей архитектуры.

Подобный диалог (полилог) явно не может быть окончен после обсуждения такого узкого круга первоначальных вопросов. Хотелось бы продолжить.

Литература

1. Грякалов Н.А. Стекло в градостроительных стратегиях // Социология города. 2013. № 4. С. 54–71.
2. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.
3. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
4. Иконников А.В. Искусство, среда, время. Эстетическая организация городской среды. М.: Советский художник, 1985.
5. Иконников А.В. Функция, форма, образ в архитектуре. М.: Стройиздат, 1986.
6. Кишик Д. Манхэттенский проект. Теория города. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
7. Лезьер В.А., Извин Д.А. Архитектура как вид культурного бытия: философско-категориальный подход // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 6А. С. 269–279.
8. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
9. Подорога В.А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М.: Грюндриссе, 2016.
10. Савчук В. Философ и художник. СПб.: ИНАПРЕСС, 2024.
11. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2012.

12. *Bojanić P., Đokić V.* La filosofia architetonica // *Rivista di estetica*. No. 58. 2015. P. 81–88.
13. *Eisenman P.* Inside Out. Selected Writings, 1963–1988. New Haven: Yale University Press, 2004.
14. *Eisenman P.* Liberal Views Have Never Built Anything of any Value // *Archinect*. 27.07.2004. URL: <https://archinect.com/features/article/4618/peter-eisenman-liberal-views-have-never-built-anything-of-any-value>.
15. *Eisenman P., Jencks Ch.* Peter Eisenman. Interview // *Architectural Design*. 1989. No. 58 (3–4). P. 48–61.
16. *Grosz E.* Architecture from the Outside: Essays on Virtual and Real Space. Cambridge, London: MIT Press, 2001.
17. *Grosz E.* Chaos, Territory, Art: Deleuze and the Framing of the Earth. New York: Columbia University Press, 2008.
18. *Le Corbusier.* Urbanisme. Paris: G. Crès, 1925.
19. Time Matters: On Temporality in the Anthropocene. Elizabeth Grosz in Conversation with Heather Davis and Etienne Turpin // *Architecture in the Anthropocene: Encounters Among Design, Deep Time, Science and Philosophy* / Ed. by E. Turpin. Michigan: Open Humanities Press, 2013. P. 129–138.

Levchuk, Aleksey E., Nikolaeva, Zhanna V., & Savchuk, Valery V.
Dialogue between a philosopher and an architect in the presence of an observer

References

1. Grykalov, N.A. (2013), Glass in town-planning strategy, *Sotsiologiya goroda*, No. 4, pp. 54–71.
2. Deleuze, G. (1997), *Skladka. Lejbnits i barokko* [The Fold: Leibniz and the Baroque], Logos, Moscow (in Russian).
3. Jacobs, J. (2011), *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The Death and Life of Great American Cities], Novoe Izdatelstvo, Moscow (in Russian).
4. Ikonnikov, A.V. (1985), *Iskusstvo, sreda, vremya. Esteticheskaya organizatsiya gorodskoy sredy* [Art, Environment, Time. The Aesthetic Organization of the Urban Environment], Sovetskiy Khudozhnik, Moscow (in Russian).
5. Ikonnikov, A.V. (1986), *Funktsiya, forma, obraz v arkhitekture* [Function, Form, Image in Architecture], Stroyizdat, Moscow (in Russian).
6. Kishik, D. (2023), *Manhettenskiy proekt. Teoriya goroda* [The Manhattan Project: A Theory of a City], Ad Marginem Press, Moscow (in Russian).
7. Lezyer, V.A., & Izvin, D.A. (2016), Architecture as a type of cultural being: a philosophical and categorical approach, *Kontekst i refleksiya: filofsiya o mire i cheloveke*, vol. 5, No. 6A, pp. 269–279 (in Russian).
8. Lefebvre, H. (2015), *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space], Strelka Press, Moscow (in Russian).
9. Podoroga, V.A. (2016), *Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoy antropologii* [The Question of a Thing. Experiments in Analytical Anthropology], Gryundrisse, Moscow (in Russian).
10. Savchuk, V.V. (2024), *Filosof i khudozhnik* [The Philosopher and the Artist], IN-APRESS, St. Petersburg (in Russian).

11. Foucault, M. (2012), *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge], Gumanitarnaya Akademiya, St. Petersburg (in Russian).
12. Bojanić, P., & Đokić, V. (2015), La filosofia architettónica, *Rivista di estetica*, No. 58, pp. 81–88.
13. Eisenman, P. (2004), *Inside Out. Selected Writings, 1963–1988*, Yale University Press, New Haven.
14. Eisenman, P. (2004), Liberal Views Have Never Built Anything of any Value, *Architect*, URL: <https://architect.com/features/article/4618/peter-eisenman-liberal-views-have-never-built-anything-of-any-value>.
15. Eisenman, P., & Jencks, Ch. (1989), Peter Eisenman. Interview, *Architectural Design*, No. 58 (3–4), pp. 48–61.
16. Grosz, E. (2001), *Architecture from the Outside: Essays on Virtual and Real Space*, MIT Press, Cambridge, London.
17. Grosz, E. (2008), *Chaos, Territory, Art: Deleuze and the Framing of the Earth*, Columbia University Press, New York.
18. Le Corbusier (1925), *Urbanisme*, G. Crès, Paris.
19. Time Matters: On Temporality in the Anthropocene. Elizabeth Grosz in Conversation with Heather Davis and Etienne Turpin (2013), in: Turpin, E. (ed.), *Architecture in the Anthropocene: Encounters among Design, Deep Time, Science and Philosophy*, Open Humanities Press, Michigan, pp. 129–138.